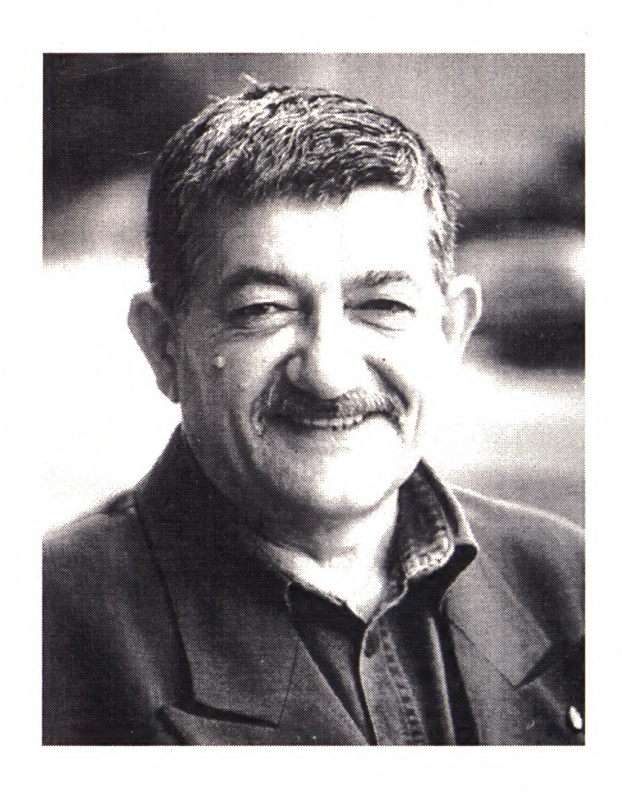
Александр Плитченко

МАТУШКА-РОЖЬ

АЛЕКСАНДР ПЛИТЧЕНКО

МАТУШКА-РОЖЬ

Книга новых стихотворений

Новосибирск. Издательский Дом «Горница»
1998

Библиотека журнала
для семейного чтения
«ГОРНИЦА»

ОТ АВТОРА

Встречи с читателями в Новосибирске, Колывани, Каргате, Барабинске, Чулыме, Куйбышеве (Каинске) убедили меня в том, что книга новых стихотворений не останется невостребованной, что нужна она не только автору.

Есть и еще одна причина её появления — взлёт детского литературного творчества в нашей области, это явление светлое и рождающее надежду. Хочется поделиться с молодыми поэтами своими стихотворными опытами, чтобы они двигались дальше.

Да и самому необходимо оглянуться, ведь последний сборник моих стихотворений выходил больше десяти лет назад, а с того времени очень много утекло и не только воды.

Время теперь стремительно, и то в стихотворениях, что слишком тесно связано с быстротекущим временем, быстро ветшает и разрушается, однако я не стал намеренно приближать книгу к сегодняшнему дню, что-то выправлять и отсеивать. Вот так виделось, так думалось, так чувствовалось в эти годы...

Александр ПЛИТЧЕНКО,

1 июня 1997

ЗАКАТ

Стоит закат,
И долго не сгорая,
Серебряный, счастливый льётся свет —
Надеждой на спасение у края
Последних лет,
Невыносимых лет...

Они темны — как толпы или тучи,
Они видны — за самою спиной,
Они полны — бедою неминучей,
Они едины — злобою одной.

Над головою холод одичанья,
Безумие кровавых перемен,
Тоска многоголосого молчанья
И — до небес нагромождённый — тлен...

А за пределом горькой, сиротливой
Земли, где жизнь перетекает в бред,
Там,
Впереди —
Серебряный, счастливый,
Всё впереди —
Не угасает свет...

БОЖЬИ КОРОВКИ

С детского пальца неловко взлететь,
Ползает с тихой сноровкой...
Что они думали, пращуры, ведь
Божьей назвали коровкой!

Где же настолько оно велико —
Малое это созданье,
Что нагуляв на лугах, молоко
Носит Создателю данью?

Кто выгоняет их там к выпасам,
Поит под синею кручей,
Кто по вечерним ведёт небесам
Стадо к деревне за тучей?

Стрельников Гриша отпел, отсвистал —
Весел, убог и неловок —
Может быть, он в горней области стал
Пастырем Божьих коровок...

Экое дело — коров выгонять!
Знания надо немного —
Только что *капельку* эту понять
Доброй кормилицей Бога.

* * *

Кто напророчил годину лихую?..
Вновь подымусь от неверия злой,
Выйду и в душную полночь глухую
Тяжко взлечу над землёй.

Мутно качая огни городские,
Воздух зацвёл, как больная вода,
Не разобраться — о чём по России
Стонут во тьме провода, —

Снова бедой обернулась победа,
С муками к пропасти шли на звезду?..
В дебрях недобрых усталого бреда
Я не лечу, а бреду...

Господи Боже, доколе, доколе
Будет мытариться наша земля,
Где сыновей моих кровная доля —
Прадеда, деда поля!

Где же её неизбывная сила,
Где золотая державная рожь?
Нас напоила, врагов накормила,
По миру скоро пойдёшь...

Сколько погибло, чтоб мы согласились
Светом считать беспробудную тьму,
Кто одолел нас, кому покорились,
Служим в неволе — кому?

Что же пытать себя снова и снова,
Что же глушить свою душу виной, —
Не воскресить нам села золотого,
Дедовой пашни ржаной...

Господи Боже, доколе, доколе
Бесам поганить родительский дом!..
Глас Протопопа мятежного в поле:
— Ино ещё побредём...

1989

* * *

А тебе выпадало в мутном месиве лет —
Весь прожить — от начала до исхода — рассвет?

И была ли охота, отодвинув труды,
День испить до исхода, до начальной звезды, —

И, с закатом сгорая, и — с луной по пути —
Тёмный, тайный — до края вешний вечер пройти?

Или с милой в разлуке — одиноко опять —
Полуночные звуки все до капли вобрать?

А за городом — поле. Синий полдень горяч.
Доля — вольная воля, душу, душу не прячь...

1989

В СРЕДНЕЙ ПОЛОСЕ НА РОДИНЕ МАМЫ

Безветренный —
Наполнен день с краями,
Листы в лесу — темны, сочны, густы,
Душистыми осыпаны цветами
Шиповника зелёные кусты.

В лесных лугах сплошной медовый клевер,
А только луг медвяный перейдёшь —
Высокая — волнуется, темнеет,
Просторная — конца не видно — рожь.

Пригорками, ложбинами — густая,
До половины колос налила,
И то хрипят, то щелкают, блуждая
В бескрайности её, перепела...

Чернеет коршун в неподвижном зное,
А где цветы ещё не зацвели,
В низинах влажных, в крупном травостое
Перекликаются коростели.

Клубникою и мятой пахнет сено,
А соловей сегодня не поёт,
Лишь изредка он выведет колено
И замолкает, — жар сухой печёт.

На полевой дороге пыль сухая
Лежит на палец, и под облака
Она встаёт, клубится, вырастая
За грохотанием грузовика...

1987

НАЧАЛО

Я давно не жалею нимало,
Что в село не летаю своё.
Мне достаточно мать рассказала
Про военное наше житьё:

Батю взяли, потом оправдали
И — на фронт.
И осталась семья.
Хлебанули мы там, повидали —
Два братана, сестрёнка и я.

Ни картошки, ни дров, ни коровы —
Всё отняли с казённой избой.
Так вот я вызревал в Чумаково —
Не рождённый ещё, а изгой.

Годы детские! Дни ножевые!
Нас участие Божье спасло —
Мы живые,
Живые,
Живые!
Не летаю в родное село...

Эту жизнь не считаю случайной,
И о детстве забыть не дано, —
И о тетушке с крынкою тайной
Молока, что от слёз солоно...

1982

ВЕТВИ-КОРНИ

И ветви — тоже корни. Только в небо
Они врастают, листьями вбирая
Свет — Матери-Вселенной молоко.

Меж хаосом и почвой — есть деревья,
Что кронами укоренясь в эфире,
Удерживают от паденья мир.

И встречные потоки доброй силы
И от земных корней, и от небесных —
Сливаются в древесные стволы.

Могучие лучи стволов древесных —
Природа света, вечный свет природы.
Что — твой *небесный корень*, человек?

1986

СТО НЕБЕС

Выше —
Сто небес одновременно,
Видим только тёмное одно,
Потому что ныне у вселенной
Замутилось солнечное дно...

С детства столько родины испили,
Что поныне сердцу не устать...
Вспомните, нам стоило усилий —
Поминутно в небо не взлетать.

Что ни вздох —
То в небо с разворота,
В сине-море-небо с головой!
Чтобы отдышаться от полёта,
Голубя швыряли над собой,

Он летел — крылатый тёплый камень,
Он тонул, как малое зерно,
Расходилось синими кругами
Поднебесья солнечное дно!..

Но —
За небом — небо,
Год за годом,
Слой за слоем —
Ниже и темней...
Что теперь под тёмным небосводом
На исходе выгоревших дней?

Но не жаль мне утреннее чудо,
Синие вселенские поля...
Что жалеть! Спасибо, что покуда
Выше — тьма, но всё же — не земля...

1986

ПАМЯТЬ

Ничего нет добрее родимой земли! —
Где ни шастал, вернёшься и примет...

Чуть замешкался ворог —
Из почвы взошли
Избы новые в жёлтой цветочной пыли;
Отряхая, суглинок быки побрели,
Потянулись коровы за ними...

Бабы зреют.
Цветут ребятишки.
Возник
Снова отзвук труда и покоя...
Приглядись:
За бурьянами —
Русский мужик
Снова вырос из почвы по пояс!

1986

ЗЯБЛИК

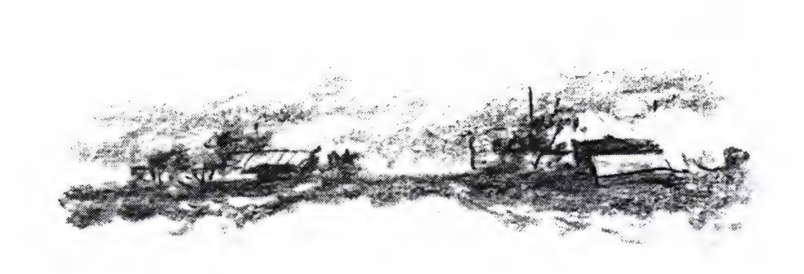
Ольге Михайловне Кухно

Зяблика ястреб убил в небесах,
В омуте воздуха кружатся перья,
Капли упали в калиновый страх,
Вдовушке жутко — куда же теперь ей!

Трудно, да ладно, да с песней жилось...
Горькое горе — летать одиноко!
Что ж ты, калины зелёная гроздь,
Красною стала до срока... до срока...

Вдовушка плачет:
— Во мраке земном
Ты никогда, никогда не утонешь,
Вечно летаешь ты в сердце моём,
Зяблик алтайский,
Любимый,
Антоныч...

1987

ПЕСНЯ
(Ель)

Ветер северный с буйной силою
Докатился до наших земель,
Островерхая, многокрылая
Раскачалась высокая ель.

Что ты думала, что придумала,
Ты куда собралась улететь,
Ель тяжёлая, ель угрюмая,
Проскрипи, прошуми, ответь.

“Далеко мои корни тянутся, —
Ель ответила,— ветер крут,
Корни сильные — жить останутся,
Корни слабые — отомрут...”

Я пришёл сюда рано поутру,
Что же ель моя не видна?
Корни вырваны, ветви по ветру,
Вся лежит на земле она.

ОСЕННИЙ ДЫМ

Поднимается облако дыма
Над копной огородной ботвы
И клубится и катится мимо
И насквозь и поверх городьбы.

Отошло, под собой утопило
Побережный недвижный бурьян,
По реке укатилось, остыло,
Разошлось, обратилось в туман...

Дым истаял. И сумрак осенний —
Неподвижный — совсем опустел,
Словно души сгоревших растений
Навсегда отлетели от тел.

То оранжевая, то золотая —
Змейки в углях бегут,
И видней —
Запалённо дыша, убывает
Малый холмик неясных огней...

1989

СОНЕТ

Мы движемся дорогою одной,
Наш путь земной — увы — не без предела.
И дорог мир — до искорки родной,
Хотя душа отпела, отболела.

Ты эту землю называл родной.
Сырой землёю принято всецело —
Начнёт ли снова вечный путь земной
Немое человеческое тело?

И будет ли нам снова свет открыт?
И не о том ли ласково гласит
Ржаного поля вечная страница,

Что нам в студёной свежести весны
С душою ивы, тополя, сосны
На долгий срок опять соединиться...

ЧЁРНЫЕ ЯБЛОКИ

Ровный свет стоит на дальнем храме,
Светится туманное жнивьё.
Низко над еловыми зубцами
Вдоль заката катит вороньё.

Ельник потемнел, как будто вырос
Над немою мглою, и плывёт
Над землёю медленная сырость
От низин и стынущих болот...

Вот она, как пьяная, ограда
Повалилась на две стороны.
На ветвях неприбранного сада
Яблоки по вечеру — черны.

Вот она — холодная дорога,
Вот она — студёная звезда...
Ты же знал, что этого порога
Век не переступишь, никогда.

Но такая в воздухе усталость,
Даже старой мысли не начать,
А души всего-то и осталось —
Только у порога постучать...

Встретит свет, едва тебе откроют,
Светом — да каким! — глаза полны,
И на скатерть белую
Горою
Яблоки повалятся — черны.

1989

УТРО

В природе наметился роздых
С рассветом сырым и седым,
И тихо в пустых огородах
С туманом сплывается дым...

Во мглу утыкаешься оком,
За домом соседним — ни зги,
Откуда-то долго, далёко
Неспешные слышишь шаги.

Стоишь, опираясь на вилы,
Забыв о себе, о судьбе...
И сами осенние силы
Витают и бродят в тебе.

Не видишь... Не помнишь... Не знаешь...
Но только очнёшься едва —
В себе удивлённо поймаешь,
Что мысленно колешь дрова,

Что сброшена наземь фуфайка,
Что грудь от мороза пьяна,
Что вот на крылечке — хозяйка,
Стоит и смеётся она...

СУМЕРКИ

В первых сумерках рядом, вдвоём...
Этот миг нескончаем и тонок!
И в тепле бестревожном твоём
Спит душа моя, точно ребёнок.

Понапрасну протянется тьма —
Не смутит, не обманет, не сгубит.
В этот миг нас Природа сама
Понимает, жалеет и любит.

Что же тянет нас тьму разбудить:
То оставлю, а это — отброшу,
Для чего проклинать и судить
Выбираем надсадную ношу?

Канут полчища яростных книг,
Но пребудет свидетельством света
Этот миг, нескончаемый миг,
И тепло бестревожное это.

Не мытарься, по воле живи!
Всё, что есть в этом мире мгновенном
Принимая, жалея,
В любви
Сокрушаясь о несовершенном.

МИША

Мишина доля хренова,
Мишина доля горька —
Выпьет стакан разливного,
Ляжет в бурьян у ларька.

Нюхают Мишу собаки,
Бродят по Мише жуки...
Рядом то ругань, то драки,
Пьют, говорят мужики.

Миша в бурьяне тоскует,
Думает думу опять,
Горькую думу, какую —
Где мне, счастливому, знать?

Взгляд его, как на иконах
Старых — поник и потух.
Миша и плотник, и конюх,
Миша печник и пастух,

Миша Равеля не знает,
Миша Рембо не читал,
Миша в траве засыпает,
Миша от жизни устал.

Все её беды и бури
Выпали Мише сполна...
Дети, тянитесь к культуре,
Пейте поменьше вина!

1975

СОЛОВЕЙ ПЕРЕСТРОЙКИ
(монолог)

“...нам не догмы теперь сторожить —
Перестройка — не сбиться бы с шага —
Приказали по совести жить
И не врать — даже массам во благо.

Быть правдивым предписано мне!
И с душою крича заголовки,
Кинусь в бой, не забыв о длине
(Чуть длиннее, чем раньше) верёвки.

Вот теперь-то я всё расскажу,
Вспомню всё, ничего не оставлю:
То, что раньше хвалил — осужу,
То, что хаял — открыто восславлю.

За день так надоест непокой,
И припомнится снова с тоскою
Наш беспамятный век золотой —
Беспробудное время застоя...”

1989

НЕБО. ОСЕНЬ. 1990

Посмотрите внимательно в небо. Оно
Не похоже на прежнее. Ныне
В нём брожение солнца отражено,
Но, возможно, причины иные.

И весьма характерен для нынешних лет
Над забытыми Богом полями —
Неживой и зловещей расцветки рассвет,
Восходящий косыми толчками.

Ныне полдень небесный текуч и летуч,
И тревожное в этом движенье —
Кучевых облаков, провисающих туч
Моментальное преображенье.

Наблюдаю какой уже вечер подряд
Над писательской богадельней
Нескончаемо долгий, огромный закат,
Источающий свет запредельный.

Сине-красно с исподу горят облака,
Уходя к горизонту слоями,
Словно бы перевёрнутая река
Катит волнами мёртвое пламя.

Свет заката такой, что любая краса
В нём предстанет убогою грязью,
И не видно границ, и не видно конца
Человеческому безобразью.

Свет страшит, но притягивает смотреть,
Как бутылка, упавшего в пьянство,
Серо-синим румянцем окрасила смерть
Измытаренный облик пространства.

От себя вдалеке, у зимы на краю,
На задворках столичного града —
Поглядишь на закат, точно в душу свою,
И пугаешься делу распада.

Голицыно (Подмосковье),
1990

С НАТУРЫ

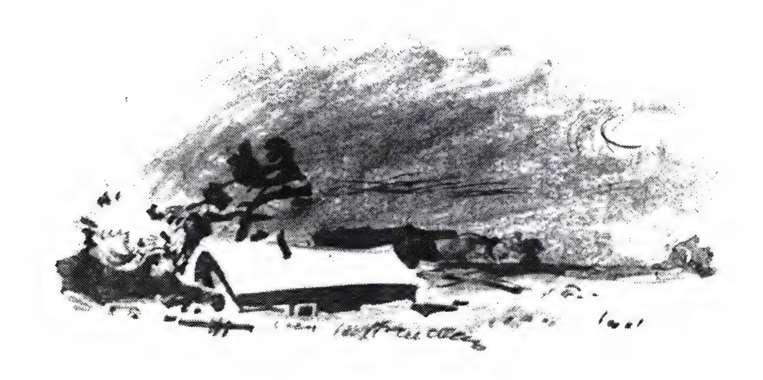
Проснувшись в два часа ночи
от пьяного исполнения "Интернационала"
под окнами дома, написал:

Будя ночной посёлок сонный,
Поёт орава пьяных лбов:
"Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!.."

Не мы ль свободой дорожили,
Чтоб ныне встали на дыбы,
Могучим бесом одержимы,
Запели пьяные рабы!

Как втолковать безумным братьям,
Что истощается народ,
Что сами дьявольским проклятьем
Они
Клеймят себя, как скот!

1990

* * *

По горло по самое сыт —
Костями-вождями-врагами!
Пора в монастырь или в скит,
В кабак или к бесу с рогами.

Ну что мне кликушеский крик! —
Всей жизни душа охладела,
Не в путь, а в смердящий тупик
Нас бесы зовут оголтело!

Вам проще — поборники лжи,
Встряхнитесь, на лапки вставайте,
Уже приказали — "служи!",
Служите, лижите, виляйте.

Надежда, хотя бы приснись!
Не плачется и не поётся...
Душа, повинись, оглянись...
И всё это — жизнью зовётся...

1988

* * *

Морок плывёт.
Небо уходит вспять.
Тайна осенних вод
Тянет опять.

Медленна гладь пруда.
Мертвенно дно.
Навзничь лежит вода.
Тело её темно.

Этот незрячий зрак!
Этот тяжелый лик!
Душу наполнил мрак
В единый миг.

День над водой угас.
Мраком душа полна.
Тысячи мёртвых глаз
Смотрят со дна.

* * *

...когда дневная схлынет суета,
Настанет, своего дождавшись срока,
Уныние — устала и пуста,
Слаба душа, мелка и одинока!..
Всё, чем была ведома и полна —
Дела, мечтанья, страсти, разговоры —
Смывает тьма, и жмётся лишена
Душа и оправданья и опоры.
Она сползает медленно во мрак,
Где душный хаос смертного распада,
Где тусклого безумья светит зрак,
И тянет он, и не спастись от взгляда.
И тщетно ищет судорожный ум
За что схватиться, сам себя торопит,
Но хаос — непомерен и угрюм —
Все доводы ума лениво топит.
И холодно нашептывает он,
(Душа мертвеет, медленно сползая):
"Ты случаем нелепым был рождён,
И жизнь твоя — бессмысленна пустая.
Всё суета. Всё тщетно. Всё обман.
Уныла страсть. Мечтание убого.
И всякому предел единый дан —
В могилу одинокая дорога..."

Никто уже не смог бы мне помочь.
Вступала в силу власть безумной воли.
Но вдруг толкнуло — встать и выйти в ночь,
И повело под небо в чисто поле.
И зазвучал в сознанье небосвод,
Незримым светом душу омывая...
Мрак отпускал. И канул мрак. И вот —
С дыханием и силою высот
Душа соединилася живая...

Когда б я сразу понял — почему
Я не был тяжким хаосом уловлен,
И сдержан от сползания во тьму,
И на краю безумья остановлен!..
Но каждый — неразумное дитя,
И кто неразумение осудит?
Спасённый, в счастье лоб перекрестя,
Спасителя от радости забудет...

СОБОР

Мы не знали, куда добредём
Через хлябь октября и разора,
Но явились за сирым дождём
Величавые главы Собора.
Мёртвый пруд, источающий жуть,
Дух бензина и рёв автострады,
Но достаточно выше взглянуть,
И довольно для сердца отрады.
Высока и чиста белизна
Восходящего в небо Собора...
Это — Родина, это она
Над порой октября и разора!
Сколько ты, человеческий враг,
Красоты белоснежной порушил,
Чтобы властвовал яростный мрак,
Добивая ослепшие души!
Но остался опять посрамлён
Древний змей — искуситель вселенной,
Ты не волен, кровавый дракон,
Вынуть душу России нетленной,
И пребудет земля спасена,
И надежда людская продлится,
Если церковь — хотя бы одна —
Затеряется и сохранится.

1990

* * *

Николаю Самохину

....
...по Голицыно осень цвела,
Свой мешок ещё не завязала,
Только мрачная туча плыла
И на мир от Москвы наплывала.

Я добрёл до заглохшей воды,
Где орава картавая кружит,
Я не знаю — какие следы
Или знаки хотел обнаружить.

Сквозь вороний назойливый ор,
Над гниющею ряской и пеной,
За прудом поднимался
Собор —
Чернокупольный и белостенный.

И опять заболела беда...
Что же ты от недоли и вздора
Не ушёл, не добрался сюда,
В смутный день не дошёл до Собора...

НА ДРУГОМ ЯЗЫКЕ

Закатился за озеро, прожит
День просторный, бесстрастный, простой.
Пронизав, облака не тревожит
Луч рассеянный, луч золотой.

Ты сегодня не сделал худого,
Не раскрыл молчаливого рта
Для недоброго, пошлого слова,
И котомка у беса — пуста.

В ровном шуме прибрежной дубравы
Под неяркою первой звездой —
Расправляются тихие травы,
Что примяты случайно тобой...

Что же душу гнетёт и тревожит,
Если нынче себя сберегла,
И назавтра, даст Бог, не умножит
Этой жизни присущего зла?..

Замирает душа одиноко,
Точно вольная птица в руке,
Ибо в мире и зло, и жестоко
Говорят на другом языке...

ПЕСНЯ
(Верба)

Верба золотая...
Верба золотая!

Светом долетая, эхом окликая,
Истомилось сердце, верба золотая!

Эхом долетая, светом окликая,
Истомилось сердце по тебе, родная!

Верба золотая...
Верба золотая...

1984

ЖУРАВЛИНЫЕ СЛОВА

Птицы в стаи слетаются,
И кружа, и паря,—
Словно бусы катаются
В синеве сентября.

Не редеет пока ещё
Рыже-огненный лес,
От земли полыхающей
Блекнет полог небес.

Дышат ночи морознее...
Но заметил ли ты,
Что у озера поздние
Распустились цветы?

Не спугнули, не спрятали —
Вот они и взошли —
Те соцветья крылатые,
Те цветы — журавли...

Не согнут непогодины,
Ветер, стужа и мгла,
Если озеро родины
Тронуть краем крыла,

Чтоб слова настоящие
Плоть и кровь обрели,
Стали, словно входящие
В синеву журавли!

1984

* * *

Заселённей становится воздух,
Сотней крыльев воздет и пропет,
И — на спелых настоянный звёздах —
Ярым хмелем пылает рассвет.

Днём — быстрей и неприбранней небо,
Клочья туч — то темней, то светлей,
Над валками тяжёлого хлеба
Запредельная песнь журавлей.

На закате — скворчиная стая
Облетает сушилку и ток,
Точно ветер, над полем качая,
Гонит чёрный ажурный платок.

И под хладной оставленной высью,
Где просторы луна сторожит,—
Будто лошадь бегущая рысью —
Всей листвою береза дрожит...

1984

* * *

Над свинцовою тяжестью северных туч,
Сердце коротко обеспокоя,
Ярко высветил в холоде солнечный луч
Небо жидкое и голубое.
Тучи тяжко смыкались, и тут же с боков,
Как предвестие скорой отрады,
Воздвигались хребты снеговых облаков,
Снежных гор громоздились громады.
Может быть, распогодится,— глянешь в окно,—
Может, завтра на ясном рассвете
Поутихнет погода, прояснеет?.. Но
Там всё ветер, и ветер, и ветер...

Ветер не унимался и сад волновал,
Завывал под стрехой нелюдимо,
Из трубы он тянул непрерывно и рвал
Полотнища летящего дыма.
Выметая туманы болот и ложков,
Всю округу тревожа, мороча,
Тленом пахнущих, пепельных облаков
Нагонял он зловещие клочья.
И бежали они, точно свора собак,
Низко, бешено, быстро, несыто...
Скоро смутное солнце тонуло во мрак,
Дымом рваным и беглым сокрыто.

Пробегала в листве непрестанная дрожь.
И случайное небо — окошком
Закрывалось, и гвозди вколачивал дождь
И в траву, и по мокрым дорожкам.
Скоро дождь загустел, колотил во всю мочь,
Всё над почвой склонилось понуро.
Наступала тревожная долгая ночь
С темнотою, и ливнем, и бурей...

ДУБОВЫЕ ЛИСТЬЯ

Среди долины ровныя...

В пустоте ухода и улёта
Гулко устоялась тишина.
Глубь окостеневшего болота
Листьями дубовыми полна.

На белесой зелени болотной,
Остывая светятся в тени,
Крытые окалиной холодной,
Вырванные силою,
Они.

Сумеречно в брошенных дубравах!
И такой недвижимый покой,
Что листва дубовая на травах
Не шуршит — грохочет под ногой.

Грохот, а не шелест или шорох!
Оглянись — оттуда, с высоты,
С купола осеннего собора
Рушатся железные листы...

И когда — испуган этим громом —
Прянет за бурьяны дальний лес,
Встанет дуб — зияющим разломом,
Трещиной по куполу небес.

Свет небес незыблемых — расколот,
Сникнет и остынет до зимы,
И сквозь вековечный русский холод
Глянут ледяные очи тьмы...

ПРЕДЗИМНЕЕ

Пронесутся тяжёлые утки,
Пропадут над холодной рекой,
И сойдётся встревоженный, чуткий,
Настороженный, влажный покой...

Скоро эти края забелеют,
Хватит пашне и полю обнов,
Где сегодня медлительно реют
Листья поздние черных дубов.

Утром холод вставал на востоке,
И в раскрытых окошках болот
Устоялся невидимый, тонкий,
От дыхания тающий, лёд.

Наплывают холодные тучи,
Полдень быстро идёт под уклон,
И относит за ельник дремучий,
Словно чёрную копоть, ворон.

И во всём, что увидишь, усталость,
Мокрый сумрак, распутица, муть...
Но осенней природе осталось
Эту лямку недолго тянуть.

Не сегодня, так завтра, возможно,
Раздражения не поборов,
Ты уснёшь тяжело и тревожно,
А проснёшься — и бодр и здоров,

И пойдёшь, ни о чём не гадая,
А навстречу, морозцем горя,
Хороша и свежа — молодая —
Во всю щеку румянец —
Заря!

* * *

За мглою смутных дней раскрылись небеса,
Всё потянулось ввысь, навстречу синей воле —
И белые дымы, и тёмные леса,
И — в искрах радужных — нетронутое поле.

Днесь так высок и чист сияющий зенит,
Такой в душе покой, — снегами даль укрыта,
Что слышно, как в ушах толчками кровь шумит,
И дышится легко, и смутное — забыто...

Переменился мир. Забыт осенний тлен.
И устоялось всё, что мутным было прежде...
О, сколько же таких в природе перемен!
Откройся чистоте, покою и надежде.

* * *

За окошком и темень, и гулко
Завывает по ночи пурга,
Словно кто-то большой из проулка
Выдувает большие снега.

Что не спится полночным фигурам,
Снег их валит, морозит, слепит...
В этом мире, морозном и хмуром,
Кто их ждёт и в тревоге не спит?

Для чего им в такое ненастье
Пробираться по вьюге с трудом?
Вдруг подумал — а может быть, счастье —
Им хоть так оставаться вдвоём...

1983

* * *

В степи ветрами снег прибит.
Далёкий лес в морозной пыли,
Забытый Господом, стоит,
И небеса над ним остыли.

Как пёс — короткий ветер жгуч.
Зачем тащусь пустою степью
Туда, где ниже смутных туч —
Домишки, брошенные цепью.

Что там? Да то же, что и тут.
Что всюду в мире под ненастьем —
Забылись люди и живут,
И прошлый день считают счастьем.

Сидел — не рад. Иду — не рад.
Стою — идти или вернуться?..
А за спиной такой закат,
Что жутко даже оглянуться.

Какого беса понесло!
Какая нежить душу мает!
Стою. Последнее тепло,
Как свет над степью, убывает.

Плевать на всё! Остаться тут!
...По снегу, к избам, без дороги
Уже идут, ведут, несут,
Меня не спрашивая, ноги.

1989

* * *

Уже не так обманываться сладко,
И холоден короткий интерес,
И новая, как старая загадка —
Всё коротка, как пригородный лес.

И сердце не обманутое радо,
Когда иссякнет редкий лес, когда
За ним взревёт, ударит автострада —
Садись, езжай — туда или сюда...

МОРОЗ

Мороз скрипит култышкой ледяною.
Дороги дня — короче и синей.
Полуночь разметала над луною холодное дыхание огней.
Пустынное молчанье, ледяное,
— издалека услышишь — скрипнет дверь,
В глухой тиши морозного покоя безмолвствуют и человек, и зверь.
И нету ничего дороже крова! Во сне блуждая среди летних трав,
Бок о бок спят собака и корова, заиндевев, дыхания смешав.
Моё село сибирское одарит когда ещё такая тишина...
Лишь изредка раскатисто ударит лёд на реке,
растрескавшись до дна.
Во времени сознанье утопает, чтоб думою несуетной взойти,
И утро неохотно наступает, чтоб неохотно в вечер перейти...
Ты за морозом только зла не числи, его пора по-своему права, —
Пустые вымораживает мысли и оставляет дельные слова.

1985

* * *

...и не знаю, что сталось со мной —
Я тоскую по дальнему дому,
Чуть закрою глаза — вижу снег под луной,
Санный след по безмолвью степному.

И лошадка трусит, и полозья скрипят,
И глядишь из тулупа на звёзды,
Спит, уходит село, дали мерные спят,
В лунном свете колеблется воздух.

Из тулупа на зимнее небо гляжу,
На безмолвную степь под луною,
И от мягкого сена, в котором лежу,
Вдруг потянет живою травою.

Я не помню — откуда дорога была,
Только радостно помню — дорога
Приближала меня до родного села,
До родного плетня и порога.

И не надо следить или править и гнать —
Меж оглоблями ходко и шатко,
Равномерно бежит, не устанет бежать,
Путь единственный зная, лошадка.

И скользит над просторною степью луна,
И следы, что плывут от полозьев,
Наполняет сиянием ровным она,
Как ручьи — серебром заморозив.

То лошадка всхрапнёт, повернув головой,
То призвякнет кольцо под дугою,
То пахнёт от неё разогретой, живой
Силой, кожею, потом, травою...

Вынет душу до дна полевая луна,
Встанет дальняя молодость наша!
Серебристой росою с краями полна,
Чуть качается звёздная чаша.

Я не знаю, не знаю, что выпадет мне —
Скоро ль песня расстанется с телом,
Только свет золотой, свет в родимом окне
Встанет в сердце и там, за пределом.

Я не знаю, не знаю, что сталось со мной,
Я тоскую по миру, по дому,
Кто во мне разбудил этот снег под луной,
Этот путь по раздолью родному?..

1990

* * *

Зимняя гулкая ночь, тёмная воля мороза,
Жмётся живое к теплу, тускл человеческий свет,
Там, где упали в снега изб деревянные зёрна,
Там, где таятся на дне хаоса — точки тепла,
Там, притулившись к печи, старую книгу листаешь,
Чувствуешь зыбкость тепла, утлость людского жилья,
Чуешь — над крышей избы, и — в бесконечность от крыши —
Нет! — не бездонная тьма, нет! — не безмолвный покой:
Там — недоступны земным — вздыблены звёздные силы,
Вал мирозданья встаёт, движется пласт за пластом,
Рушатся бездны миров, мирные выси струятся,
Звёздная слава гремит — вечная слава высот...

Утлое наше тепло, зыбкое наше жилище,
Крохотность будничных дел, жизни мгновенность земной,
Но непомерно щедра света духовного пища,
Тем, кому Богом дано то, что зовётся душой.
Только живая душа радость познает слиянья
С тем, что понять и познать тщимся ничтожным умом,
Только живая душа с вечной любовью сольётся.
Там. И на грешной земле. Только живая душа.

СТИХОТВОРЕНИЕ С ЭПИГРАФОМ ИЗ И.А.БУНИНА

Вот восстанет бесноватых рать,
И, как Мамай, всю Русь пройдёт...

"Канун"
23.VII.16

Вороний над родиной грай.
Пустынен родительский край.
И чахлая рожь догнивает.
И вой нарастает, и лай,
Напейся — умри — загуляй,
Народ на свободе гуляет.

Под сенью Кремлёвской стены —
Могилы, могилы видны —
Сожжен или так похоронен —
Размноженный прах сатаны
Витает над телом страны,
Разносится стаей вороньей.

Разрушен из прошлого мост,
Но тянется, тянется хвост
Нечистого, зреет — умножен
Губителей наглый погост,
И ранами дьявольских звёзд
От родины Кремль отгорожен.

1990

РАДИЩЕВУ

...где мороз на полнеба пылает,
Разгоняя по нарам людей, —
Не *стозевное чудище* лает,
А стозевней стократ и лютей.

Пушек лай у Кремлёвской твердыни
Всей земле известил наконец,
Что под вечной стеною отныне
Будет тлеть бесконечный мертвец.

И осиновый домик — гробница
Для того обратилась в гранит,
Что внутри его нечто хранится,
Что душа и земля не хранит.

Там лежит, нескончаемо тлея,
Самый тёмный и мстительный царь,
В очертаньях его мавзолея
Не Пергамский ли виден алтарь?

И наивно, но всё ж не случайно
Верит чистый, как почва, народ —
Стоит перекрестить его тайно —
Мёртвый вскочит и громко заржёт!

Измытарил он русскую землю,
Был татарского ига лютей,
Дух его небеса не приемлют,
А земля не приемлет костей.

1991

* * *

Орут вороны в городе ветвей!
И всё наглей их праздник и развязней...
Есть знак:
Ворона чище и сытей,
Людская жизнь —
Бедней и безобразней.

ЧЕРНЫЕ ЛИСТЬЯ

Облетают кровавые кроны...
И расселись в ветвях поутру,
Будто чёрные листья, вороны
На сквозном неуютном ветру.

С шумом листьев, с раздольною думой
Распрощалась сторонка моя,
Дума сварою стала угрюмой,
Перебранкою злой воронья.

Всё на свете — добыча извета
Стаи жадной и чёрной, как ночь.
То одна, то другая из веток
Птица выпадет, тянется прочь...

Пусть хоть весь листопад этот жалкий
Отлетает, не стоит мешать,
Ибо духом помойки и свалки
Надоело природе дышать.

1990

ИЗ Св. ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Братие, не тяготейте к земному.
Тленно земное. Есть счастье одно —
Это дорога к Небесному Дому —
Неизменяемо, верно оно.

Братие, каждый и волен, и властен
Выстроить в сердце Небесный свой Дом,
Ибо таким будет вечное счастье,
Как мы короткую жизнь проживём.

* * *

Этот полдень пустынен, горяч,
Эта чахлая местность страдает,
Я бреду — одинок и незряч,
И ни слова душа не рождает...

Но — увиделся облик земель
Воплощенного в камень несчастья —
Искушает Учителя змей
Разрушительной силой всевластья...

Будем, братие, праведно жить,
Чтобы встретить Учителя снова,
Хоть и негде главу преклонить,
Хоть и некому вымолвить слово...

* * *

"Увы, душа моя!..."
Св. Ефрем Сирин

Зачем ты о жизни своей не радеешь?
На время не сетуй, людей не вини.
Зачем на каменья безжалостно сеешь
Заветные зёрна — немногие дни?

Зачем о душе своей не порадеешь?
Недолгое время отпущено тут.
Зачем от мякины зерно не отвеешь,
Ужели не знаешь — вот-вот позовут?..

* * *

Деян. 17. 30-31

Наступают времена иные.
Кайся, многогрешный человек,
Ибо мрак неведения ныне
Бог своею волею пресек.

Он назначил сроки покаянья —
Чтобы дух от зла освободить,
Праведно вселенские деянья
Будет Муж, Им посланный, судить.

Он явил нетленное знаменье,
Знак любви у мрака на краю,
Маловерам удостоверенье —
Воскресил из мёртвых Судию.

* * *

Лк. 17. 20-24

“Свет Царства Божьего заметить
Людскому оку не дано,
Не снизойдёт на земли эти
Приметным образом Оно.
Не ждите от небес ответа,
— Вот здесь Оно! — не скажет глас,
Ведь Царство Божие от века
В душе у каждого из вас...”

Ученикам сказал Учитель:
“ Настанет свет такого дня,
Когда увидеть восхотите
И не увидите Меня.
— Вот здесь Он! Крикнут громогласно,
Но вслед течению толпы
Не направляйте понапрасну
Путями тщетными стопы.
Ибо как молния, блистая,
Во тьме сверкает грозовой
От края неба и до края —
Сын Человеческий в день Свой.”

* * *

Мф. 3. 10-12

В грехе вы жили до сих пор,
Не помышляя о законе,
Но вот топор уже готов
Перерубить стволы и корни.

Внемлите, близок час, когда
Спасёмся добрыми плодами,
А все деревья без плода
Благого — обратятся в пламя!

Крещаю ныне вас водой,
Чтоб покаянье смыло скверны,
Но Тот,
Кто следует за мной,
Чьи силы вечные безмерны,
Я — раб Его —
Сказать о Нём
Сподобился сегодня слово —
Он будет мир крестить огнём
И Духа Силою Святого,
Прозрит Он тайны дум и дел,
Спасёт живую сердцевину,
Зерно отделит от плевел
И на огне сожжёт мякину...

* * *

Стоит уныло редколесье,
Бредовый высится бурьян.
Кому мешали эти веси —
Жилища пахарей-крестьян!

Что не осилили мамаи,
Что через все огни прошло,
С “народовластьем” доломали,
Пустили по миру село.

И вновь радетелей орава,
Земных помоек воронье,
Крича о родине картаво,
Обсела утлое жнивье.

Слепец не видит — как бесплодно
Бесчестье, вырвавшее власть...
Свободны?
Воронье свободно —
Оно кричит —
Укррасть, укррасть!

И слово подлое “свобода”
С тоской и болью слышу я,
Когда у целого народа
Украли счастье бытия.

1990

* * *

Николаю Шипилову

Отсюда молодость видна,
И видно — сколько было дури.
С бутылкой жидкого вина
Мы шли, средь ночи балагуря.

Из горлышка хотели пить,
Но мысль возникла у кого-то —
Стакан иль кружку раздобыть,
Стучась в церковные ворота.

Старик открыл нам, и не зло,
Не осуждающе, не строго
Спросил он: что нас привело
В полночный час к жилищу Бога?

А после — хлеба и стакан
И соли крупного помола
Принёс.
Про "опиум, дурман"
Вдолбила нам родная школа.

Потом не одному оно
Сломало жизни — то ученье...
Тогда ж мы выпили вино
И позабыли приключенье...

Мы и представить не могли
В пустом бахвальстве полупьяном —
Какою кровью добрели
Стучаться в церковь за стаканом!..

ДЕНЬ

В лесу еловом пусто, мглисто,
И как нигде, ты здесь один.
Монетами укрыли листья
Глаза слепые мочажин.
Стоит болотный прелый запах,
Подножье каждого ствола —
Как будто бы драконья лапа
Когтями в землю заползла.
Сырые серые лохмотья
Висят с опущенных ветвей...

Не смог тревогу побороть я,
С душою справиться своей:
Шагнёшь — он смотрит, смотрит в спину,
Следит, следит за шагом шаг...
Еловый лес всю душу вынул,
Пока я вышел на большак.
А там — на свежем косогоре,
Теснее радостной семьи,
В живом и солнечном уборе —
Берёзы милые мои!
Над ними —
Ясный, вольный, схожий
С улыбкой доброго лица —
Весь день —
Просторный и погожий,
И Божьи дали без конца...

ВЗГЛЯД

Отражённые — спят облака.
В сонном воздухе звон монотонный.
И луга над рекой, и река
Как бы дымкой подёрнуты сонной.

Точно чувствуя собственный жар,
Ветви леса повисли, как плети,
Нестерпимого солнца удар
Полнебес оглушил, обесцветил.

И в душе, и в природе вокруг
Краски, звуки и запахи меркнут.
И всё уже и медленней круг
Чертит, крылья раскинувши,
Беркут.

Сторожа этот зной, этот сон,
Беркут крылья в просторе качает,
Величавыми крыльями он
Солнце чёрное обозначает.

Ярым оком глядит с вышины
В оглушённые жаром просторы,
Где ему лишь
За краем видны
Грозовые грядущие горы...

1990

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ. 1990.

Поверх туманной светлой мглы —
И на бугре, и под горою —
Кресты виднелись и орлы
Над монументами героям.

Туман окрестности скрывал.
В повисшей дымке над полями
За лесом монастырь вставал,
Посверкивая куполами.

И там, на западе, едва —
То расплываясь, то темнея —
Чуть видно — брезжила церква,
И светлый мрак стоял за нею

Мне было нелегко идти
В полях солоноватой глины,
Где то и дело на пути
Кусты, болотца, мочажины.

На взгорке выровнялся шаг,
И приподняв глаза от грязи,
Увидел маковку-шишак
Злащёный над могилой князя.

Он отовсюду виден был —
Высоко вздыбленный на взлобке,
Покуда полем я торил
В полёгшей ржи кривые тропки.

Да, рожь неубрана была,
Хоть то привычным стало ныне,
Картина эта привела
Меня в тяжёлое уныньe.

Я шёл по мёртвым колоскам,
Срывая их в тоске и боли,
Чтоб показать сибирякам
Погибший хлеб на славном поле...

За этим полем — выпаса,
Вода в следах копыт по склонам,
А ниже — редкие леса,
Гнильём завалены зелёным.

Свист редкой птахи, всхлип воды,
Далёкий шум на полустанке,
Да человечии следы —
Куски железа, вёдра, банки.

Здесь почва старая, она
Всего сверх мер перевидала,
И точно бронза — зелена,
И как история — устала...

А монументы там и тут,
В тумане группы — двое, трое,
Как будто витязи бредут
Израненные с поля боя.

Куда идти? Победы нет.
Москва пылает злобной силой.
И этот тусклый чад и свет
Плывёт над милою Россией.

Я брёл в тумане, и опять
Вставало в сердце поневоле:
Дошли... не можем хлеб убрать,
И где — на Бородинском поле!

И в душу холод мне дохнул,
И холодом душа разъята,
Как будто в пропасть заглянул,
Откуда нет уже возврата...

Но — стукнул колокол вдали,
Но встала синь над куполами,
И тени быстро потекли,
Скользя усталыми полями.

Кого судить? Кого винить —
В пространстве тёмном и усталом?
Одно осталось — сохранить
Свет Бородинский за Уралом.

Не все мы сдали рубежи,
Пока ещё есть души живы!
— Вот головы погибшей ржи,
Колосья Бородинской нивы...

* * *

С похмельной злою головою,
Перемогая тошный ком,
С душой — с какой ещё душою! —
Тычком, рывком да с матерком —

Ты не посеяна, зарыта,
Как мусор выброшена — рожь...
Какое, братья, будет жито...
Но — что посеял, по пожнёшь...

Как те поля — душа в бурьяне.
Не потому ль, крестьянский сын,
Хоть по рождению крестьянин,
С рожденья — не христианин...

Бредя в провалах бездорожий
С похмелья или же спьяна,
Ты только милостию Божьей
Ещё и держишься, страна...

* * *

...и не знают умы
В дальней стольной Москве
Ни ответа,
Ни верного средства —
Как без Бога в душе,
Без царя в голове,
Без Отечества русского в сердце?..

1990

МОРЕ

В метро, а то и просто на ходу,
Хоть где, когда душа с собой в раздоре,
Я на мгновенье отвожу беду,
И нет меня,
И предо мною — море!

О, ветер света. Непочатый путь!
И воля бесконечная для взора!
Свободно и согласно дышит грудь
С дыханием великого простора.

Душа спокойной силою полна,
Неощутимо тело молодое,
Живая бездна жизни — не страшна,
Всё по сердцу — просторное, простое...

...я возвращаюсь... вот он... я возник
В привычной доле, воле или боли,
Ну разве — горло перехватит вмиг
Родная горечь океанской соли...

НА МАЛЕНЬКОМ МОСТУ

Так свежо на мосту. Ветерки.
Тёмно-синяя рябь серебриста,
На откосе у самой реки
Устоялась толпа остролиста.

Низкий берег осокой зарос,
По воде распластались кувшинки,
На стеблях над рекою рогоз
Меховые качает дубинки.

Тёмный жук унырнул в глубину,
Водомеры скользят на затишке...
Вижу, детскую эту страну
Посещают — и часто — мальчишки:
Утлый плот в камышах, за ветлой
Небольшое кострище дымится...

Голубой и округлый покой
Обмеряет высокая птица...

Невесёлый, унылый, больной —
Сам себя вижу страшным и странным
Над живой, беззащитной страной,
Предвещающим зло
Великаном...

* * *

Под осень очень одиноко,
Безделье мает бирюка,
И одному сидеть — морока,
И пригласить кого — тоска.

Но искушенье, искушенье
Зазвать знакомца — велико,
Злорадно, сладко сожаленье,
Что так он тратится легко,
Что при таком горенье скором
Померкнет дар наверняка
В бреду, в бурьяне под забором...
А сам?
И новая тоска —
Бирюк не верит, хоть и знает,
Что не живёт, что не живёт,
К себе, потерянному —
Зависть
Его несёт, но не спасёт...

А как он пел!
Но пал душою,
И предал юные года.
А подлость рядом с красотою
Не уживалась никогда.

1983

БЕЛЫЕ СВЕЧИ

За унынием — радостной думой,
За стеною — как свет и сквозняк,
Это — кончился ельник угрюмый,
И пошёл, и пошёл березняк.

Видишь — небо становится выше,
Слышишь — птица-синица поёт,
Чуешь — почва родимая дышит,
Понимаешь — тебя признаёт.

Я люблю, где светлее и проще,
Столько тяжкого нынче в груди!
Не кончайся хоть ты, моя роща,
До просторного дня доведи...

Неужели же силы природы
Не восстанут надеждой вовек,
И покатятся черные годы,
И забудет себя человек?..

Но не канул, остался покуда,
Отторгающий мысленный бред,
Точно светлое Божие чудо —
Этот ровный берёзовый свет,

И душе измытаренной легче
С добрым светом родимой земли...
Оглянись —
Это белые свечи,
Это белые свечи вдали...

ЗАСТАВА

Осенний день суров и ясен.
Под уходящей синевой
Лес неподвижен и безгласен
Стоит над тлеющей листвой.

Когда за лесом, за увалом
Отстанут редкие леса, —
Ударит озеро провалом,
И сердце рухнет в небеса.

Дубов застава над волнами
Угрузших, тёмных и литых,
Увижу — воздух валунами
Над почвой держат ветви их.

Поля земли — небесным силам
Здесь властной страстью отданы,
Здесь глубь и выси
По чёрным жилам
Могуче соединены!

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето. В полях паутина —
знак, что будут ядрёные дни.
При дороге зардела осина —
Молодая — в еловой тени.

Входит свежее тихое утро
В сад подсохший, большой, золотой,
Где — совсем его нету как будто —
Воздух чистый и ясный такой.

Сколько света в медлительных бабах,
Величав поворот головы —
Сквозь медовый и яблочный запах,
Сквозь томительный запах листвы.

Не сиди среди злых и унылых,
Встань, сломай под чуприною бровь,
У тебя ль не казацкая в жилах —
Точно сабля — горячая кровь!

Если ты не болтун, не бездельник,
Если ты не бирюк и вахлак —
Уходи за дорогу и ельник
С молодой и румяной, как мак.

Одевай её в жаркие речи,
Смотрит влажно она неспроста,
Пахнут яблоком полные плечи,
Мёдом осени дышат уста.

Есть ли что-нибудь этого кроме!
Выходите, для вас на лугу —
Солнце — в новой пшеничной соломе,
Лето — в свежем и пряном стогу...

* * *

Как сон позабытый — сбылась,
Как свет издалёка,
Такая родная, что страсть
На грани порока.

Меж грозами день изнемог,
Под гулом обвала
Узнали мы — нет у дорог
Конца и начала, —

И только вот эта, одна,
С которой не сбиться,
Меж грозами будет она
Всё длиться и длиться.

Стоят, чуть качаясь, дожди,
И грешные боги
Идут впереди — позади
По вечной дороге.

1989

* * *

Дни мои безвыходно поникли,
И считать бы то, что не сбылось,
Если бы ни милой земляники
На Алтае собранная горсть.

И родной, согретой и желанной
Дух земли, ожившей до корней,
И дыханье мира над поляной
Отстоялись ласковые в ней.

Знаю, чтобы доброе сбывалось,
Я теперь в любые времена
Только трону сердцем эту малость —
И душа до краешков полна.

Звёзды лета! Ягода лесная!..
Чашу, где грехи мои и злость,
Перевесит тёплая, родная
Земляники маленькая горсть...

ПЕСНЯ
(Ельник)

Над ельником вороны летят во все стороны,
Да не разлетаются.
Под ельником милые, осинки остылые
Дрожат и качаются.
Холодная чёрная, листвой золочёная
Уснула болотина.
У края забытая, жуками побитая
Угрузла колодина.
Присяду, подумаю хоть раз про судьбу мою
Под серою осенью...
Всё тучи плакучие... Вот небо за тучею —
Порадуюсь просинью!
Над ельником вороны летят во все стороны,
Да не разлетаются.
И мысли тяжёлые мои, невесёлые
Всё не расплетаются.
Но вспомню — над тучами, над белыми кручами,
Над хлябью — отвесные
Стоят величавые — негаснущей славою
Просторы небесные!
...За светом, над хлябями, над чувствами слабыми —
Тоской и унынием —
Туда в бесконечное, высокое, вечное,
Нетленное, синее...

---

* * *

Под вечер по краю, по зною
Стремительный ливень упал,
Широкой прошёл полосою
И в тучах огромных пропал.

Дышала округа устало,
Был вечер и медлен, и нем...
Высокая
Радуга
Встала
Над Левобережием всем.

Увиделись улицы краше,
Стройней протянулись мосты,
Но тусклы деяния наши
Под светом её красоты.

Для нас, для усталого люда,
Чьи души блуждают во мгле,
Как детство —
Свидетельство чуда —
Что Бог не забыл о земле.

Высоко, и нежно, и зыбко
Истаяла и отцвела,
Как будто угасла улыбка,
Но счастье — улыбка была!

* * *

Утро до солнца настанет светом воскресших небес,
Сердце томится, и тянет на реку, в поле и в лес.

Трепетный, ласковый ветер, в лужах пути разбрелись,
Неба в избытке, и светит с каждой обочины — высь.

Видишь — уныние тает в радостном ясном огне,
Кто же весной не летает, кто же, хотя бы во сне?

Ласкам весеннего ветра волю отдай до конца,
Свету воскресшего света — свет молодого лица.

Что ты, летим же со мною, медлить, раздумывать — жаль —
Снова, впервые, весною — Домом становится Даль...

В ПОЕЗДЕ

Кусты мелькают на откосе,
То тьма, то свет в глазах снуют,
Деревья ближние относит,
Деревья дальние плывут.

И долго видится за ними —
Родной лесам, полям, холмам —
С пятью крестами прорезными
Золотоглавый, белый храм.

Он движется, не отставая,
Горит на солнышке, поёт,
И даль родная, даль живая
Вокруг него плывёт... плывёт...

ОКНО

Двери были открыты, раскрыто окно
В бесконечное утро и лето,
Но — запомнилось мне — в хате было темно,
Непонятно, но именно это.
Ну, скорее всего, два окна бузиной
Заросли, загустев наклубились,
И под этой живой и зеленой стеной
Волны летнего света разбились.

Но еще было в горенке третье окно,
И распахнуты — крыльями — створки,
Было светом оно с огорода полно,
Точно в ночь — костерок на пригорке.

Дым цветочной пыльцы, свет и волны тепла,
Всех соцветий горячие пятна! —
Через двери в окно пролетала пчела
И летала туда и обратно.

Языки георгинов, пионов жара
И подсолнухов жёлтые угли,
И пчела, точно искра живого костра,
Пролетала из улья и в улей.

Огород полыхал за пределы свои,
Свет растительный вспенивал ярко,—
Выше хаты стояли подсолнухи, и
Выше хаты стояла боярка.

Через двери я видел — сияло оно
В тёмной хате — явлением света —
Точно летняя светлая тайна — окно,
Мне запомнилось именно это.

Были скудные дни, понимаю сейчас,
Детство нищее, чистое детство —
Свет природы согрел наши души и спас,
Если вдуматься, если вглядеться...

Были скудные дни, но красою цвела
Жизнь и в скудные дни — не случайно,
Чтобы в душах жила, не утратив тепла
Красота — эта светлая тайна...

УКРАИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ЛУННАЯ НОЧЬ

Таинственно и тихо мирозданье,
Лежат просторы в лунной полумгле,
И робкое полночное сиянье,
Легко ложась, дымится на земле.

Всё влажное, всё тёплое, ночное —
Толпа дубов и череда ракит —
Всё медленное, словно бы водою
Подлунный мир прозрачною укрыт.

И от дубов, и от других растений,
Низинки выявляя, бугорки,
Просторны в травах бархатные тени,
Где неподвижно смотрят светляки.

Под реющими стройно небесами,
Под светом, осыпаемым луной,
Озёра спят с раскрытыми глазами,
Подёрнутыми дымкою ночной...

2. ПОЛДЕНЬ

...томительный и жаркий, точно мёд,
Полудень блещет в тишине и зное...
Неизмеримый синий небосвод
С любовию склонился над землёю,
И, потонувши в неге, весь затих,
Прекрасную воздушно обнимая
В невидимых объятиях своих...
Ни облачка — от края и до края.
Ни речи в поле. Всё глубоко спит.
Лишь в глубине юдоли поднебесной
Жар-жаворонок радостно дрожит,
И серебристою нисходит песней
По воздуху к возлюбленной земле,
Да чайки редкий крик мелькнёт над степью,
Или в пахучей конопляной мгле
Ударит перепёлка звонкой цепью...

Лениво и бездумно, будто бы
Гуляющие витязи без цели,
Подоблачные мощные дубы
В потоках солнечных оцепенели.
И всякий ослепительный удар
Вмиг живописно зажигает кроны,
Массивами вздувая в листьях жар,
Разбрызгивая золото в зелёном...

Топазы, малахиты, изумруд
И яхонты эфирных насекомых
Над огородной пестротой снуют,
Подсолнухами статными влекомы...

Череда стогов величиной с курган,
Снопы тугие хлеба золотого —
Свой кочевой расположили стан
В безмерности простора полевого.

Сады от тяжкой сладости плода
К земле склонились полными ветвями...
И небеса —
Как чистая вода,
Как зеркало реки в зелёной раме!

Златая пыль означит дальний шлях.
Едва видны чумацкие телеги...
И всё в садах, в полях, на небесах
Исполнено невыразимой неги...

3. ЖИВАЯ ПОЛНОЧЬ

Закат отполыхал, и землю
Великой новью обнесло.
Как очарованное дремлет
На возвышении село.

Над ним — и ранее огромный —
Ещё раздался небосвод,
И негой летнею, истомной
Он в звёздах — словно бы плывёт.

Черёмух свежесть в белых звёздах,
И чистый яблоневый хлад,
Разымчивый и нежный воздух
Волнами протекает сад...

В ночи гуляя берегами,
Склонились ивы над водой,
Тревожа зябкими корнями
Прибрежный холод ключевой.

Реки недвижимо теченье,
Незримо омуты дымят,
Клубясь, подводные растенья
Густые, медленные спят...

В душе отрада чувств просторных!
Повсюду звёзды в двух шагах!
Живая радость в ясных зёрнах,
В святых небесных жемчугах!

Душа иным не верит знакам,
Иных не слышит голосов,
Что диким наплывают мраком
От стороны глухих лесов.

Ей необъятно, чудно стало,
Она всему — родная дочь,
Как Матерь Божья — обласкала
Её живая эта ночь...

ПРИШВИН

Думал я:
Соглядатай природы,
Специальный свидетель того,
Как живут луговые народы,
Как рождаются светлые воды,
Был избавлен судьбой от свободы
Не жалеть живота своего
За всеобщее нищее счастье —
В общем деле ничтожно участье
Кропотливой работы пера —
Что он выдал за жизнь "на-гора"?

Закатились кровавые годы...
Я гляжу на него сквозь года:
Он не раб,
Он — осколок свободы,
Сам — явленье, как светлые воды!
Соглядатай? Глашатай природы!
Он души не кривил никогда,
Сочиняя не косо и криво,
Но прекрасно, светло, кропотливо,
Был он сам, словно зрелая нива...
Ну, а слава —
Труха, ерунда...

* * *

Быстро кончится детство.
Мир соблазнов велик.
Не успеешь вглядеться
В Божий ласковый лик.

Полня день суетою,
Рьяно, тупо спеша
За безделкой пустою,
Истрепалась душа...

Детство ближе с годами —
Свет, покой высоты,
И —
В лугах мирозданья
Звёзды —
Божьи цветы!

* * *

За этою жаркой поляной,
В логу под зелёной горой —
Под тенью черёмухи пряной
Прохладою веет сырой.

Мы тёплой нахоженной тропкой,
Что в гору из лога ведёт,
Зайдём под пахучий и знобкий,
Усыпанный ягодой свод...

Когда бесконечные лягут
Снега на усталость полей,
Те чёрные звёздочки ягод
Припомнишь — и станет теплей.

Уже не глядишь нелюдимо
В холодные зимние дни!
С тобою всё то, что любимо,
И мы на земле — не одни.

Мы вместе, мы летом, мы снова
По тесной тропинке идём
Из малого дома лесного
Под небо —
В родительский дом!

* * *

Эти райские области детства,
Где природа и люди чисты.
Нерастраченное наследство,
Нерассказанные цветы...

И хочу я от жизни немного —
На исходе земного пути —
С посошком и котомкой, убого,
В незакатное детство уйти...

* * *

Сбылись немыслимые сны,
Гляжу из тьмы забот —
Такие выросли сыны,
Такая дочь растёт!

Пречистый Боже, сохрани,
Пресветлый, просвети,
Пускай отцовского они
Не повторят пути.

Неправды мира я приму,
От малых отведу,
И соберу с собой во тьму
И горе, и беду.

На дочь, на молодцев моих
Гляжу из глуби лет,
Как листопад над жизнью их,
Как снег, как тихий свет...

* * *

Что же сердце болит, что же душу гнетёт?
Полдень светом облит, ясным светом высот,
Белый день на дворе, листья светят, кружа,
И трава в октябре — зелена и свежа.

Над стеной сосняка тучи-кроны густы,
Тёмной тайной река обтекает кусты.
Звук неясный далёк от полей синевы,
И наносит дымок огородной ботвы...

К дому! — время велит. За метелями — год...
Что же сердце болит, что же душу гнетёт?
Отцветающий лес... Эту боль не унять...
И под крышу небес никший дух не поднять.

Пусто, пусто в селе. Дымом тянет с полей.
Ноги тонут в земле. Что ни шаг — тяжелей.
Боже Правый, спаси! Жить немного уже —
Тяжело на Руси, у Руси — на душе.

Что за песни нам петь? Как нам жить и дышать,
Чтоб хоть смертью успеть Русь беде не отдать?
Было Слово:
В любви, точно матушка-рожь,
Как живётся — живи.
Точно матушка-рожь...

* * *

В недобрые смутные годы,
В чужие осенние дни —
Стихи о событьях природы —
Не блажь ли пустая они?
Во мраке молящийся инок
Минутам последней красы —
Не этого требует рынок —
Штанов, коньяка, колбасы.
....
Но в месиве злых разговоров
Не слышит обманутый век —
Откормлен и выхолен боров,
Но разве он стал — человек?
Мне жаль неразумной скотины,
Чей путь окончательно пуст,
Ведь живы — не хлебом единым,
Но Словом Божественных Уст.
Превыше миражного, злого —
Свидетельство Отчей любви,
Нетленное светлое слово:
Не сдайся, надейся, живи.
Без воплей о благе народа,
Которые смертно пусты,
Страдает, рожает природа
И дарит покой красоты.
Коль в жизни, средь мысленной ржави —
Как в истинном даре святом,
Те строки меня удержали —
Спасибо уже и на том.
И тут не о славе забота
(Для славы о бренном пиши) —
Надежда — стихи эти кто-то
Прочтёт во спасенье души...

1990

ПЕСНЯ
(Надёженька)

Надёженька, надёженька, сердечный мил-дружок,
Живём с тобой, надёженька, да скоро выйдет срок.

Ой, горько нам, надёженька, ой, горько нам почто?
Про тайну нашу тайную не ведает никто —

Ни батюшка, ни матушка, ни ваша родова,
Одна про всё проведала соседушка-вдова.

Проведала соседушка, проведала одна,
Всё батюшке и матушке поведала она.

Родители прогневались, прогневалась родня,
Платок и платье чёрное одели на меня.

Одели монастырское и — со двора долой.
Иду, а мне встречается надёженька родной.

Ой, на тебя надеяться, надёженька ты мой,
Как на зарницу летнюю, на ветер луговой...

1989

ОСЕННЯЯ БАРАБА

Свежей озими чист изумруд,
Так просторно, что птицы умолкли,
И по зелени плавно плывут
Золотые на солнце околки.

Даже там, где черна и пуста —
В эти смутные годы,
Как прежде,
Мать-земля сохранит семена,
И вовек не прерваться надежде.

За душой — небеса оживут!
Не навеки просторы умолкли,
Нежной озимью тихо плывут
Золотые, как солнце, околки.

Разбуди же в себе мужика!
Кто душой измытаренной правит?
Нету смерти, проходят века,
Всё пройдёт, а земля не оставит.

В ГОРОДЕ МОЕМ СВЕТЛО

Я жил с этим ощущением последние годы.

Этим ощущением делились со мною разные люди — ладно бы бы это только поэты или художники, или композиторы — народ возбудимый, романтичный, обладающий профессиональным воображением. Но то же самое, что и они — люди, так сказать, творческие — испытывали и мои знакомые каменщики, водители автотранспорта, отставные военные, даже гости нашего города, оказавшиеся в нем впервые.

Поэтому я решился попытаться это общее для многих ощущение описать и поделиться описанием с вами, дорогие читатели.

Бывает в Новосибирске светлым вечером раннего лета, когда зелень еще свежа, а небо еще совсем чисто и свободно, когда город освободился от зимнего мусора и не успел накопить летнего, так вот это время в нашем городе, когда отправляешься от Оперного по Красному, минуя Никольскую часовню, Маяковского к площади, которую давно бы назвать Александровской — (Александровск — первое имя нашего города, а на площади сошлись князь воитель Александр Невский, который всю Русь от тевтонов спас, и Александр Покрышкин, великий богатырь сибирский, небо наше очищавший от тевтонов). И вот на подходе к Александровской площади (по ошибк считают ее Свердловской, хотя и города такого нет) вдруг охватывает душу восторг простора, радость родины, ожидание и предощущение счастья. Нет, не своего счастья и удачи, а нашего города. И ясно, ярко, отчетливо видится там, за Обью, нечто огромное светлое, живое, человеческое! Видится великое будущее Новосибирска.

С чем же схоже это ощущение?

Нечто подобное я испытал, когда впервые увидел Московский Кремль на фоне весеннего неба.

Похожее чувство охватывает меня на Колыванском холме. Подобное, похожее, но не такое.

В видении будущего Новосибирска меньше торжественности, а больше чистоты и жизни, света человеческого.

Что же там видится, за Обью?

Что поет, вырастает и светится там, окатывая усталую душу ласкою и нежной силой?

Что успокаивает всякий раз и поднимает старое сердце к новой надежде, когда глядишь в будущее своего города?

Нет, трудно рассказать, передать словами эти ощущения. Трудно, но если кого они охватывали, тот поймет меня.

Я вспоминаю одну работу Николая Грицюка: светлый, белоснежный город, который огромным, но легким и свободным, способным к росту кристаллом, возникает из-за холма, точно ограненное облако, точно нечто небесное и земное одновременно.

Вот еще приближение к чувству будущего Новосибирска.

Я вспоминаю милого друга, помяни его, Господи, Гошу Григоренко. Мы с ним сочиняли кантату о Родине. Там, в музыке Гоши Григоренко была эта вечная живая горизонталь Оби и были движения, взлеты, тихий растительный рост и мощный рост второй природы, но — главное — в этой музыке был свет — великий, общий, несгибаемый, какой видится мне в будущем Новосибирске.

В колоколах Аскольда Мурова — сила будущего города.

Оттуда, из-за Оби...

Но это чувство приходит и в Первомайском сквере, и на ступеньках ГПНТБ, это чувство входит в душу с первым шагом к Монументу Славы, оно же — и очень сильно — влечет хотя бы раз, дв в году прийти в Сквер Героев революции, чтобы горько подумать о народе, воюющем сам с собою долгие годы.

Но из сквера еще виднее, еще ощутимее то, что будет с Новосибирском — его великое будущее.

Я знаю в городской черте древнейшие сосны — свидетелей первых славянских городков в Сибири. И сегодня за моим окном такая весница покорения Сибири Ермаком. Прислонись к ней, приклони у послушай — вот она неразъемная жизнь с тех лет до этого дня.

Но и делаемое, копимое, творимое, обдумываемое, складывающееся БУДУЩЕЕ — оно уже не рассыпано и не рассредоточено, подобно серебряной пыли, оно вдруг для многих из нас становится зримым и сияющим.

Так будет. Так непременно будет.

Будет улица Ленина от Почтамта до Красного факела — пешеходной. Как же ей не быть пешеходной, если здесь и “Победа” и Универсам, если здесь Театр кукол и ДК Октябрьской революции и масса магазинчиков, кафе, выходов в Первомайский сквер, в сквер у Водного, а оттуда в уютные старые улочки, украшенные новыми особняками.

Городу необходима улица в центре без автомашин, где горожане гуляли бы с детьми, где был бы огромный и уютный городской двор...

Так хотелось, чтобы это было. Верю, так и будет.

И опять я вспоминаю светлый город-облако-кристалл Николая Грицюка. Он-то понимал толк в городе, много рисовал его. Он открыл мне Обь-трудягу в черно-белых лаконичных иллюстрациях к какой-то "поэтории" о Новосибирске, давно и справедливо забытой. Он рисовал Красный проспект как никто — у Николая Демьянович было нарисовано главное в Красном проспекте — стремительное движение, мощное движение. Жаль, что не было разговоров у нас с ним о видении будущего Н-ска. Да и не виделся мне тогда будущий Н-ск.

Летом, после короткой грозы с ливнем, хорош асфальт, дышат листья тополей, а ветер, кажется, унес все ненужное с рваными тучами в дальние дали, к востоку. И опять там в заобских краях серебрится, золотится, малиновеет на закате небольшая — с ладошку ребенка — область полного счастья, покоя, красоты. Достаточно там быть и жизн выстроится идеально — без нищеты, болезней, обид и недоумений..

Но зачем же стремиться туда? Зачем вдруг русскому до мозга костей представить, что область райской жизни USA или DEUTSCHLAND?

Эта серебряная и золотая, покойная и счастливая область только тут для новосибирца, и она с каждым днем, с каждым нашим усилием — душевным и физическим приближается, как неотвратимо пр ближается будущее.

В будущем нашего города многим виден свет. Я не одинок в этом ощущении.

С прекрасным художником Владимиром Михайловичем Гранкиным были мы как-то далеко за Полярным кругом. Лето. Океан во льдах. Дышать трудно. Полное ощущение края света. Ничего там, в принципе, не живет. Насильно или по великой нужде заносит туда живое — коров привозят на два года. Больше не выдерживают.

К чему я это вспомнил? А все к тому же: стоило нам обернуться к югу, стоило представить свой родной Н-ск, Володе — мастерскую на Д. Ковальчук, а мне чердак в Новом Поселке — и жизнь обретала смысл, а если бы мы с Михалычем посильнее напряглись, мы бы точно вызвали к жизни над чахлой тундрой видение светлого Новосибирска — белый, сияющий, грандиозный лайнер, величиною с ковчег Ноя, с таким же пестрым населением, поверившим, что в этом городе-ковчеге можно спастись, а потому сто лет его и строившим.

Разберется городское хозяйство даже с неразрешимыми вопросами. Останется Новосибирск — сердцем не только области, но и всей Западной Сибири. Останется, если мы всегда будем ощущать Город — частью себя, своей живой частью.

А вот Новосибирск, который нам видится, он в работах Сергея и Данилы Меньшиковых, он в музыкальных прорывах Юкечева, этот вой и светлый город в портретах работы замечательного мастера Александра Сергеевича Чернобровцева; он, наш будущий город в хороводах ребят и девчат Натальи Индан, он в гениальной "Вареньке" ансамб "Рождество"; я всякий раз радуюсь будущему Новосибирска, когда слышу голос, вижу улыбку, слежу каждое движение Анны Покидченко...

И без Ивана Ромашко невозможно увидеть сегодняшний и пре ставить завтрашний город...

Завтрашний город в каждом из нас, он сложится из наших усилий, наших судеб, поэтому постараемся не внести в сияющий образ будущего сибирского великана что-то мелкое, неизжитое, оставим это в прошлом.

Так до сих пор хочется научиться играть на гармошке! Вы себе не можете представить, как хочется! И я обязательно — хотя и со слухом туго — научился бы, и услаждал бы близких своей гармошкой, но... Но, если бы не знал Геннадия Заволокина и не был с ним дружен уже лет этак десять.

Нет, не надо мне учиться играть абы как — "тына-тына у Мартына, тина — у Марынихи...",— все равно не сумею играть как Геннадий, и зачем?

Хватит того, что он играет великолепно, талантливо, поднял по всей России гармонистов, душу русскую всколыхнул, на крыло поднял. А я останусь с мечтой да буду с Михаилом Щукиным, Александром Денисенко и Олей Санбельгиной делать журнал "Горница", какого больше в России нет, как нет и второго Геннадия Заволокина.

Это и принесем, если Бог даст, в наш будущий Город.

Александр ПЛИТЧЕНКО.

газета "Ведомости"
6 ноября 1997 г.

Александр Плитченко умер 8 ноября на исходе ночи и на излете долгой, затянувшейся осени, какой уже давно у нас в Сибири не было. А утром выпал первый снег. Чистый, как лист бумаги, на котором должны были написаться стихи...

СОДЕРЖАНИЕ

П 38 **Александр Плитченко** Матушка-рожь. — Новосибирск. — Издательский Дом «Горница», 1998. — 96 с.

Новую книгу сибирского поэта Александра Плитченко составили стихотворения, не входившие в предыдущие сборники, написанные в последние годы и малой частью опубликованные в периодике.

П $\frac{4702010202 — 020}{Г\text{-}0482 — 97}$ 20 — 97 ББК 84 Р7-5

Александр Иванович Плитченко

МАТУШКА-РОЖЬ

Книга новых стихотворений

Художник Владимир Колесников

Издательская артель:
М.Н. Щукин, Н.И. Овечкина, О.Н. Санбельгина,
Е.А. Плитченко, Н.А. Устиновская.

© Плитченко А.И., тексты, составление, 1997.
© Колесников В, оформление, 1998.
© «Горница», марка библиотеки, 1998.

Подписано в печать 30.03.98. Формат 84х108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Академическая. Усл. печ. л. 5,04
Тираж 1500 экз.

Издательский Дом "Горница"
630099, г. Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33. Тел. 18-15-40.

Книга издана
при деятельном участии

**Новосибирского
гуманитарного
клуба «Зажги свечу»**
(Президент И.И. Индинок)

**Новосибирского
полиграфического
комбината**
(Директор В.Ф. Макуха)

ТОО «Телец»
(Генеральный директор
С.А. Савченко)

